

Одиноким в толпе

Общая газ. - 1995. - 2-8 нояб. - с. 11.

В истории российского изобразительного искусства еще не случались подобные случаи — двухлетнее европейское турне выставки 37-летнего Максима Кантора. Вернисаж состоялся в феврале в люксембургском музее «Тутесалль». Заключительный аккорд турне прозвучит в Москве, в ГМИИ им. Пушкина. Недавно закончился показ работ в Берлине Кунстхалле (Германия). Эстафету принимает Финляндия, где 3 ноября в Музее современного искусства Пори (Хельсинки) открывается очередной этап всемирного вернисажа Кантора. Мы предлагаем размышления о творчестве художника, написанные специально для «ОГ» писателем и философом, ныне живущим в Мюнхене.

Кажется, что в сфере изобразительного искусства, как в других сферах культуры, все уже сделано, все испробовано, все изобретено. И все-таки происходит время от времени какое-то чудо: появляется необыкновенный человек, который преодолевает предел невозможного и, несмотря ни на что, делает шаг вперед. Таким чудом в современном русском и, пожалуй, в мировом изобразительном искусстве мне представляется Максим Кантор. При первом взгляде на отдельные работы Максима (позволю себе такое обращение по праву старого друга его отца — Карла Кантора) появляется искушение подогнать его под что-то имевшее место в истории искусства, можно сказать, канонизированное. Направивается немецкий экспрессионизм. Но непредубежденный наблюдатель должен категорически отбросить эту классифицирующую оценку.

У Максима есть замечательная картина, которая называется «Одинокая толпа». Я бы перефразировал это название «Одиноким в толпе», ибо в таком виде оно точно обозначило бы одну из важнейших черт собственной судьбы Кантора как художника и содержание его творчества. В современном русском искусстве он стоит совершенно отдельно. Он не принадлежит ни к каким

группировкам, никому не подражает, ни с кем себя не ассоциирует не только формально, но и по существу своего творчества. С этой точки зрения он настолько резко выпадает за принятые и привычные рамки, что прочие его коллеги, работающие в русле современных модных течений, считают его чужим. Картины Кантора оцениваются ими как своего рода «литературщина». Впрочем, этот упрек я бы счел за комплимент: созданные Кантором произведения (а их более тысячи!) из русского изобразительного искусства уже не вычеркнешь. Такие его картины, как, например, «Зал ожидания», «Утренний обход», «Колонна»,

«Зона», «Драка», «Вороны на помойке», «Одинокая толпа», «Государство», «Восстание пигмеев», «Стационар» и другие, я бы причислил к шедеврам не только русского, но и мирового искусства.

Упрек в «литературности» Кантору бросают не случайно. Максим вырос и сформировался как личность в среде скорее литературно-философской, чем художественной. Его отец Карл Кантор, оказавший на него, пожалуй, самое сильное влияние в духовном отношении, — один из самых образованных философов в московской интеллектуальной элите. Широта идей и мыслей, толерантность, критичность к окружающему и вольнодумство в его кругу было чем-то само собой разумеющимся, так что Максим избегал увлечения диссидентством и модными новациями в искусстве. У него не было соблазна в них как в чем-то запретном, ибо он изначально жил в более глубоком потоке трагичной русской истории.

По типу характера Максим скорее писатель-философ, чем просто художник. Дело обстояло не так, будто Максим научился рисовать и писать маслом, а потом задумался над тем, что бы такое изобразить. Нет, Кантор создавал в себе внутренний мир, который вынуждал его на адекватные средства проявления. Он открывал их для себя, несмотря ни на что, заново. Открывал как нечто адекватное своему внутреннему миру, своему пониманию мира внешнего, своему отношению к этому миру. Он не сразу к этому пришел. В семидесятые еще трудно было предположить, что в этом мягком и сдержанном живописце произойдет очень скоро какой-то невероятный взрыв, начнется буйство форм и красок, какое в плавной истории живописи случалось не так уж часто.

Максим — прежде всего реалист. Но реалист особого рода: он реалист русский. Объект его изобразительного творчества — современная рус-

ская реальность. А это — беспрецедентная историческая трагедия. Потому реализм Максима — реализм отчаяния. Я бы условно назвал это направление и в живописи, и в литературе (я и себя причисляю к этому направлению) дисприцизмом (от *dispire* — отчаяние). В картинах Максима трагизм русской истории звучит с необыкновенной силой.

Выразить свое понимание происходящего и отношение к нему — для этого нужна совокупность изобразительных средств, которые по отдельности, возможно, имели предшественников, но в своем единстве дают новое качество. Отмечу некоторые черты этого единства. Во-первых, реализм Максима — это описание жизни на уровне символов, соответствующих глубинной сущности жизни. Забегаловки, пьяниши, нищие старухи, помойка, вороны, метро, зал ожидания — это не списанные с натуры образы реальности. Это — именно символы отчаяния, надрыва, безысходности, истовости и т.п. Но — гораздо точнее изображающие данную реальность, чем фотографическое изображение. В этом смысле Максим принадлежит к литературной русской традиции — к линии Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Маяковского, Булгакова. Пользуясь случаем, упомяну любимых мною, преждевременно скончавшихся гениальных современных русских писателей Венедикта Ерофеева, Владимира Высоцкого.

Во-вторых, огромное количество созданных Максимом картин — это фрагменты одной гигантской картины-эпопеи. Не знаю никого другого в русской живописи, кто с такой широтой и размахом охватил бы реалии современной ему жизни. Именно количество картин и широта охвата реальностью дает новое изобразительное качество. Картины Кантора производят эффект, сопоставимый с эффектом кино или серией романов, как, например, «Человеческая комедия» Бальзака. Это явление в живописи, думаю, мне, еще не изучено должным образом. Максим стремительно, в поразительно короткие сроки пишет каждую картину по отдельности. Но он пишет ее как часть гигантского полотна.

И в-третьих, единство созданному Максимом гигантскому образному миру придает образ его центрального героя. Это, как мне кажется, отчужденный образ самого художника. Интеллектуал-одиночка, сохраняющий, несмотря ни на что, личное достоинство, не предающийся никаким иллюзиям. Его историческая роль состоит в том, чтобы быть, присутствовать, видеть, понимать и страдать. Он не борец, ибо бороться, в принципе, уже бессмысленно. Но он — не нищий, не падший. У него есть ощущение причастности к некоей тайне бытия — оно искупает страдание.

Максим Кантор. Вороны на помойке. Рисунок